

**ВСЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX** — начала XX веков наполнена описаниями придворно-светской жизни. Балы, маскарады, рауты и званые ужины были не только правом, но и обязанностью господ и, как сказано у Александра Пушкина: "Давал три бала ежегодно и промотался наконец". Не так страшно промотаться, как не дать положенного бала!

"Зеркала по лестнице отражали дам в белых, голубых, розовых платьях, с бриллиантами и жемчугами на открытых руках и шеех. Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Всё смешивалось в одну блестящую процессию" — каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с нашим культурным наследием, узнает сей отрывок. Первый бал Наташи Ростовой — юные надежды, свежесть восприятия, начало начал.

А вот и Кити Щербацкая, другая любимая героиня Толстого: "Не успела она войти в залу и дойти до тополево-ленто-кружевно-цветной толпы дам, ожидавших приглашения танцевать (Кити никогда не ставала в этой толпе), как уж её пригласили на вальс, и пригласил лучший кавалер, главный кавалер на балной иерархии". Николай Гоголь описывал дам со всей присущей ему утончённостью: "Они неслись, увитые прозрачным созданием Парижа, в платьях, сотканных из самого воздуха; небрежно касались они блестящими ножками паркета", а в одной из повестей Александра Бестуже-

ва-Марлинского "...дамы выпархивали из карет и, сбросив перед зеркалом аванзалы чёрные обёртки свои, являлись подобны майским бабочкам, блистаючи цветами радуги и блёстками злата". Легкокрылые, благоуханные, изящные!

В Государственном Историческом музее сейчас проходит уникальная выставка "Драгоценности! Блеск русского двора". Как обычно, экспозиция несколько шире, чем жизнеописание придворных развлечений. Это повествование о богатстве Русского Мира. Неслучайно все иностранцы, приезжая в Петербург и Москву, отмечали шик двора и хлебосоольство аристократов. Оформление проекта фантастически прекрасно. Цвет, свет, зеркала, расширяющие пространство, — всё это создаёт ощущение праздника.

Первый зал — посуда из чистого золота, дорогостоящее зеркало, старинные ларцы, оружие, украшенное камнями. Тут и предметы, завезённые во времена Петра, — как, например, ларец из Саксонии и бриллиантовая голландская подвеска в виде якоря, а также личные вещи Анны Иоанновны, кубки Павла I.

Далее — зал парадных мод. Платья для торжественных мероприятий сильно отличались от домашнего облачения, и в своей повседневности цари с князьями выглядели куда как менее пышно, чем на портретах. В экспозиции представлены изысканные наряды, принадлежавшие императрицам и представительницам высшей знати.

Несмотря на то, что платья не так уж много, они позволяют отследить историю костюма с

Она сыпла музой Александра Пушкина, посвятившего ей стихотворение с недвусмысленным названием "Красавица". Он писал: "Всё в ней гармония, всё диво, / Всё выше мира и страстей; / Она покоится стыдливо / В красе торжественной своей; / Она кругом себя взирает: / Ей нет сопернич, нет подруг; / Красавиц наших бледный круг / В её сиянии исчезает". Кроме того, Самойлова была заказчицей и... любовницей Карла Брюллова, с которым открыто ездила по Италии.

Рядом портрет Татьяны Юсуповой, копия известного мастера по оригиналу Ксавьера Винтерхальтера. Урождённая Рибоьер, дочь русского дипломата швейцарского происхождения, она выросла и развилась за границей, да и вообще едино принадлежала как русской, так и европейской культуре. При дворе Наполеона III эта богиня красоты произвела неизгладимое впечатление, а Винтерхальтер, подвизавшийся тогда же в Париже, сотворил этот портрет, исполненный тонкой грацией — в те годы никто не умел так точно выписывать дам в кринолинах.

Вот ещё одна Юсупова — роскошная Зинаида, восхитительнейшая звезда Серебряного века. На портрете, созданном Франсуа Абаменгом, она сидит в балльном платье с накидкой сорти-де-бал на плечах. Эти накидки предназначались непосредственно для того, чтобы дойти до кареты (sorti-de-bal — выйти с бала). Наряд чудесен: сочетание розового атласа, белых кружев и меха. Её сын Феликс впоследствии скажет в своих мемуарах: "Всюду, куда матушка входила, она несла с собой свет. Глаза её сияли добротой и кротостью. Одевалась она изящно и строго. Не любила драгоценностей, хотя обладала лучшими в мире, и носила их только в особых случаях".

Невероятно хорош портрет Марии Абаменлек-Лазаревой, написанный Николаем Богдановым-Бельским. Чёрное блестящее облачение, цветы на корсаже, высокая причёска тёмных волос — княгиня словно бы воплощает типаж флам-фаталь эры модерна.

**МЫ ЖЕ НАПРАВЛЯЕМСЯ** к стендам с аксессуарами! При всём разнообразии декора существовало всего два типа опахал — plié и riant. Вот веер plié из тончайшего кружева. Вешица принадлежала Зинаиде Юсуповой. А тут plié с галантной сценкой на веерном экране — дамы и кавалеры отдыхают на лоне природы. Plié состоял из веерного станка, то есть пластин, и пилиссированного экрана из ткани, кружева или картона с красивой картинкой. Разновидностью plié были веера, состоящие из резных пластин, связанных ленточкой. Перед нами один из таких образов "готическими" верхушками пластин — в 1820–1840-х годах популярным было Средневековое, и поэтому в дизайне прослеживалась псевдоготика.

На другом стенде — первейший веер, именовавшийся riant. Например, в стихотворении Игоря Северянина о том, как "трафиня ударила веером страусовым опешенного шевалье" говорится именно о riant.

На одном из стендов — сверкающие портбукеты, футлярычки для цветов, крепившиеся к платьям. Крупные портбукеты носили в руках. В XVIII–XIX столетиях бытовал "язык цветов", и составленный букет мог означать целую фразу — признание в любви, отказ, предостережение, готовность к флирту или танцу.

В XVIII–XIX веках часы считались барским удовольствием, а часовщики были весьма серьёзными ремесленниками. Больших денег стоил и механизм, и его оформление. Часы закреплялись на поясе цепочками-штаннами, а те златые цепи обходились владельцу ещё дороже, чем циферблат, пусть и от Брегета. В экспозиции представлены часы на великолепных шателнах. Золото-бриллианты-гранат-агат-шпинель — вот неполный список того, что было использовано при их создании.

А вот и любимый аксессуар — табакерка. Вернее, их тут несколько, и все с бриллиантами. Нюхание табака, равно как и курение, считались тогда полезными для здоровья. Врачи утверждали, что вдыхание ароматических дымов излечивает от всякого рода заболеваний. Когда-нибудь и мнения нашей медицины сочтут опасной ересью! Сложно пройти мимо носовых платочков из кружева "малин", производимого во фламандском Мехелене. Банальная вещь смотрится как настоящее произведение искусства.

Что ж, сия выставка — пириество для глаз и отдохновение для души. Это свидетельства состоятельности, вкуса, прихотливости русской аристократии. "Золото, брильянты, рубины сверкали в тот день на солнце ярче самого солнца. Только в России могло иметь место подобное зрелище!" — вспоминал Феликс Юсупов о придворных торжествах. Действительно, только в России. Уж кто-то, а Феликс знал толк в шелках и драгоценностях.

Галина ИВАНКИНА



«Татьяна Юсупова». Художник Франц Ксавер Винтерхальтер. 1858 г.

**ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМ** русской жизни стал чёрной легендой нашего народа, однако зависимость Японии от её поэзии мало кто осознаёт. Все говорят об островном государстве что угодно в пределах от манги до ниндзя, но хайку от хентай способен отличить не каждый.

В стране, где жива придворная поэзия VII века, стать в один ряд с классическими авторами непросто: нужно владеть словом, чувствовать традиционные жанры, быть тонким лириком в вопросах любви и одновременно воином, если ты, конечно, мужчина.

Тревожен и краток путь самурая, но пройти его нужно не только с оружием, но и с ящиком для письменных принадлежностей.

Русским Мисима стал сразу — к нам он пришёл после своей славной смерти, во всём блеске героизма и великолепия; чёрная легенда русской литературы работала, да и Гумилёв у нас есть.

Для начала нам был предложен рассказ "Патриотизм", который произвёл неизгладимое впечатление. Он раз за разом возвращается флешбэками в мою оскудевающую память — и это может продолжаться вечно: в "Патриотизме" скрыто семя пышного куста культурных традиций японской военной аристократии, и плоды этого древа мы вкушаем до сих пор.

Стало очевидным это не сразу. От Мисимы пришлось маневрировать в сторону Боуи, и здесь ожидало открытие: "Счастливого Рождества, мистер Лоуренс!" — фильм Нагисы Осимы по роману сэра Лоуренса ван дер Поста "Семя и сеятель" с музы-

всё предельно обнажено в романе. Это сексуальность в её нарочито японском изводе: необщепринятый эротизм и традиционная жестокость. Чтобы понять, насколько тесно у японцев сосуществуют боль и наслаждение, нужно вновь обратиться к Осиме. В его "Империи чувств" нельзя понять, где проходит тонкая красная линия, отделяющая национальную традицию от психической патологии. Сам Юкио Мисима в эротизированной лирике не ограничился шокирующими исповедями: его "Шум прибора" мог стать примером пасторали, имея место события не в приморской рыбацкой деревне, а в горном краю изобильных пастбищ, свежих пастухов-эфебов и чистых помыслима наивных пастушек-дев. Прозрачная и нежная книга предъявляет нам автора — традиционного лирика.

Немыслимое для самурая невежество относительно древних искусств Японии было невозможно для Мисимы. Его пьесы классического театра Но занимают значительное место в творчестве — только в их свете возможно без ошибок прочесть европейские сценические истории японского писателя: "Маркиза де Сад" и "Мой друг Гитлер", впервые опубликованные у нас в "Современной драматургии". Невероятные, провокационные темы, но жизнь Мисимы сама по себе есть один большой перформанс, замешанный на провокациях.

**РАЗРУШЕНИЕ И СОЗИДАНИЕ** в творчестве и жизни Мисимы существуют раздельно, но смешивать процессы ему было интересно. В "Доме Кёко" один из персонажей одержим бодибилдингом — выстраивает храм собственного

тела; в "Золотом храме" протагонист уничтожает павильон Кинкакудзи — совершенное и эстетически безупречное архитектурное произведение. В жизни Мисима сначала создаёт храм своего тела, затем безжалостно разрушает его во имя идеи. Преданность Мисимы Императору общеизвестна — он возглавил мятеж во имя Императорского дома, зная, что в жертву богам приносит самое лучшее: Аматаэрасу — даму изысканная и капризная.

Вершина творчества Мисимы — тетралогия "Море изобилия". Вся Вселенная писателя собрана в одном месте — в четырёх по-разному страшных романах, закрученных в ещё более страшное и загадочное кольцо. Разнообразие любви, мистическая и священная грязь Индии, падение ангела и вознесение самурая, всю жизнь мчащегося к смерти... Бренность бытия, суетность земных дел, цепь перевоплощений, — это не только колесо сансары, но и мистерия Диониса.

Чуткий европеец найдёт в "Море изобилия" универсальный след, сформированный и наш культурный код. Японец всего лишь артикулировал значение смерти, забываемое нами. Мисима прорёсся божественным ветром по всей планете не столько своей жизнью, сколько своей смертью — как и подобает настоящему камикадзе. Символически значение подобной смерти представлено в "Золотом храме" — там есть эпизод, в котором молодого офицера женщина провожает на боевое дежурство чайной церемонией, пронзительной кульминацией которой становится сцена торжества вечной жизни над неизбежностью смерти, питающей жизнь: обнажив грудь, молодая женщина брызгает своё



Последний день жизни Юкио Мисимы. 25 ноября 1970 года. Неудачная попытка поднять восстание на базе Сил самообороны Японии.

грудное молоко в его чайную чашку — и это последнее, о чём мужчина попросит свою женщину: менее чем через месяц он погибнет. Мне почему-то всегда казалось, что это офицер — лёгкий-камикадзе, спасающий Японию от иноземного нашествия. Мисима тоже был камикадзе, он, подобно Давиду, смело выступил против Голиафа и, как и положено, победил гиганта — правда, на своей,

японский, лад, в котором смысл и красота жизни раскрываются только в смерти.

Божественный ветер над "Морем Изобилия" то утихает, то крепчает — ещё не все корабли затоплены, но уже написан "69", и Рю Мураками вслед за Мисимой продолжает исследовать животворящую смерть.

Евгений МАЛИКОВ

# СЕЛИВЁРСТОВ

## Творец русских образов

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте [zavtra.ru](http://zavtra.ru). Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

**КСОКОАЛЕНИЮ**, Юрий Иванович Селивёрстов (7 августа 1940 г. — 28 мая 1990 г.) не дожид до выхода в свет первого номера газеты "День". Так что для включения его в число "светочей" нашего издания формальных оснований как будто и нет. Но всю его жизнь-творчество нельзя рассматривать вне той идеологии Русского Мира и Русской Мечты, которая на протяжении всего существования была и остаётся идеологией "Дня"/"Завтра" и в формирование которой Юрий Иванович внёс свой уникальный, неоценимый вклад.

Его художественные работы вошли в золотой фонд русского и мирового изобразительного искусства. Его идея объединить в возрожденном (не восстановленном в виде железобетонной копии исторического здания) храме Христа Спасителя память павших в сражениях Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941—1945 годов стала залогом грядущего и чаемого всеми нами созвучия "белой" и "красной" России. Его (изданное в 1995 году под редакцией Валерия Николаевича Ганичева и Валентина Григорьевича Распутина) собрание портретов, "иконостас" отечественных мыслителей ("Из русской думы"), сопровожжённое отобранными самим художником их рассуждениями о прошлом, настоящем и будущем нашей Родины, является тем зерном, которое, кажется, само создаёт вокруг себя "землю добру" и приносит плод "одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать" (Мф. 13:1-8), даже при всей неоднозначности и спорности (или, может быть, как раз благодаря неоднозначности и спорности) ряда своих персонажей, представленных в данной серии. "То, что он собрал там, — это лучшее о России... Если поставить их перед русским человеком, он перекрестится и скажет: "Юрий понял, зачем была русская мысль", — говорил о художнике его друг и создатель биографии Юрий Селивёрстов: портрет на фоне времени" Валентин Яковлевич Курбатов.

К этому стоит добавить множество иных замыслов как реализованных, так и пока не реализованных, идеологом и вдохновителем которых являлся Юрий Иванович Селивёрстов. Например, издание "Легенды о великом инквизиторе" Ф.М. Достоевского (М.: Молодая гвардия, 1992) в дореволюционной орфографии с параллельными переводами на английский, французский и немецкий языки, иллюстрированное "Триптихом триптиха" Юрия Селивёрстова с авторским пояснением к нему. "Кажется парадоксальным, но художник в посвящённом осмыслению поэмы "Великий инквизитор" цикле картин, созданном в семидесятых годах XX века, изобразил таран пассажирским самолётом печально известных нью-йоркских небоскрёбов-близнецов в сентябре 2001 года", — отмечают современные комментаторы. Или иллюстрации к "Слову о полку Игореве" — по мнению многих читателей, "на таком уровне и с такой эмоциональной мощью великое "Слово" не иллюстрировал ни один художник". Или проект "Русской энциклопедии" как информационно-ценностной основы нашей национальной идентичности, необходимость которого особенно остро ощущается сегодня, когда это пространство приходится "с болью и кровью" освобождать от почти полностью занявшей его русскоязычной "Википедии".

**НЕИЗВЕСТНО**, насколько верны слухи о том, что Селивёрстов был одним из любимых художников Юрия Владимировича Андропова, но известная биография художника, во всяком случае, этим слухам ничуть не противоречит: уроженец Иркутской области (родился в городе Усолье-Сибирское, детство провёл в областном центре); выпускник архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института (1963) уже с 1964 года, то есть без обязательных в то время для молодого специалиста трёх лет работы "по распределению", обосновался в Москве в качестве востребованного издательствами и журналами художника-графика; в 1967 году был принят в Союз журналистов СССР а в 1971 году — в Союз художников СССР; оформил более ста книжных изданий отечественных и зарубежных авторов. "Юрий был в семидесятые почти знаменитым сюрреалистом и читал СЮР как аббревиатуру своего имени — в молодости даже так и подписывался", — вспоминал В.Я. Курбатов. Селивёрстов тогда воспринимали как "русского Сальвадора Дали", а "в мастерской у него всегда топились люди", привлечённые не только ярким талантом, но и напряжённостью духовных поисков художника.

Именно они, эти поиски, привели Юрия Селивёрстова в лоно Русской православной церкви, и немалую роль в этом сыграли философы Михаил Михайлович Бахтин и Алексей Фёдорович Лосев, а также Антоний (в миру Анатолий Сергеевич Мельников), впоследствии — митрополит Ленинградский и Новгородский, а тогда — глава Белорусской и Минской епархий РПЦ, по благословению которого Юрий Селивёрстов в 1976 году создал первую в СССР серию иллюстраций к Новому Завету. И тот же владыка Антоний отговорил Юрия Ивановича от принятия священнического сана. Но, действительно, "всё, что делал Юрий Селивёрстов, — это неустанный миссионерство" как православия, так и русской культуры в их цветущей сложности, жизнь-творчество "на разрыв сердца", от которого он и скончался в неполные пятьдесят лет. Очевидцы рассказывали, что перед тем, как последний раз в своей жизни войти в море, художник собрал с прибрежных кустов горсточку светлячков и прикрыв их к одежде находившихся на берегу людей. "Его сердце уже остановилось, а подернанные им светлячки продолжали гореть..." Точно такими же "светлячками", которые горят для нас и сегодня, почти через 35 лет после безвременной кончины Юрия Ивановича Селивёрстова, остаются его графические работы и его мысли. И есть надежда, что этот свет не исчезнет в будущих временах, сколь бы яркими или, напротив, тёмными они ни были.

Владимир ВИННИКОВ

\* Организация, нарушающая законодательство РФ

# ОДА МИСИМЕ

К 100-летию выдающегося японского писателя

кальным мотивом "Запретные цвета" ("Forbidden Colours") Рюити Сакамото, вошедшим позднее в альбом Дэвида Силвиана "Секреты улья" ("Secrets of the Beehive"), уводил и возвращал нас к Мисиме. Поворотный момент в пространстве фильма о непростых англо-японских отношениях на тихоокеанском театре военных действий во время Второй мировой войны был задан музыкой Сакамото. Поняв это, простую оптику пришлось менять на бифокальную. С британской стороны в фильме выступил майор Джек Селлерс (Дэвид Боуи), с японской — капитан Ёнои (Рюити Сакамото), оба полнокровны, оба с биографией — только майор Селлерс с прошлой, а капитан Ёнои с будущей. Причём это будущее изложено в рассказе "Патриотизм" — только Ёнои был казнён, а не совершил саппуку, как герой Мисимы. Пронзительно и подробно описанию церемониальной смерти у Мисимы симметричен подробно воспроизведённый ритуал смертельной игры двух врагов в лагере военнопленных — капитана Ёнои и майора Селлерса — у Нагисы Осимы и Лоуренса ван дер Поста. Звучат "Запретные цвета", Ёнои казнит майора, отдавая последнему воинские почести, завязывая в тугую и запутанный узел участников смертельного шибари двух авторов: в романе "Запретные цвета" завершающаяся убийством любовь тоже сталкивается с жестокой имитацией чувств. Только у мистера Лоуренса убивает влюбленный, а у Мисимы убивают влюблённого.

Чувственная лирика Мисимы не ограничивается "Запретными цветами" — к таковой при известном свободомыслии можно отнести и "Исповедь маски":